Пятый глава. Побег из тюрьмы

Чи Цзюнь никогда и подумать не мог, что ему посчастливится снова встретиться с Хэ Синьюанем, но еще меньше он ожидал, что эта столь потрясшая его душу встреча даже не заставит Хэ Синьюаня остановиться хотя бы на мгновение.

Хэ Синьюань отнесся к нему так, словно он был самым обыкновенным хозяином говорящего попугая, а вовсе не человеком-птицей, с которым у него в прошлом была запутанная романтическая история.

Если бы во второй половине того же дня у Чи Цзюня не была запланирована важная рабочая командировка, он, пожалуй, был бы готов притащить багаж и разбить лагерь прямо у входа в Ветеринарная клиника «Жэньчжэнь», чтобы как следует по душам поговорить со старым знакомым. Будь то коленопреклонение или удары по собственному лицу — он был готов на всё, лишь бы полностью выразить свои извинения.

Что же касается всего остального… об этом можно будет подумать потом.

Чи Цзюнь учился по специальности маркетинг и реклама. Еще до окончания университета он время от времени брался за небольшие заказы, а после возвращения на родину устроился в компанию уровня 4А, где постепенно дослужился до должности директора. Накопив немало связей и опыта, с прошлого года он собрал собственную команду и пустился в плавание в одиночку.

Людей в компании было немного, но каждый — истинный профессионал. Даже при том, что Чи Цзюнь обладал выдающимися способностями и личным обаянием, ему стоило немалых трудов подчинить себе этих норовистых бунтарей. Из-за небольшого штата ему приходилось лично вникать практически во все дела, и к этому крупному заказу, который с таким трудом удалось заполучить, он отнесся с максимальной серьезностью, лично возглавив команду, вылетевшую на переговоры в компанию заказчика.

К счастью, заказчика порекомендовали общие знакомые. И хотя компания была крупной, вели дела они четко и решительно. Встретившись, обе стороны подробно обсудили направления маркетингового продвижения и рекламные концепции, довольно быстро определив общий вектор работы.Закончив работу, Чи Цзюнь велел остальным членам группы остаться для завершения дел, а сам на следующий же день улетел первым утренним рейсом обратно в город Б.

Вернувшись домой, он даже не стал отдыхать, переоделся в чистую одежду и, в спешке оседлав своего любимого железного коня, помчался в Ветеринарная клиника «Жэньчжэнь». Всю дорогу он мчался быстрее ветра и наконец добрался до места как раз перед открытием клиники.

Он приехал слишком рано, больница еще не открылась. На сердце было тревожно, но он понимал, что от одной лишь паники толку не будет. Скрестив руки на груди, он прислонился к

мотоциклу и мысленно раз за разом прокручивал, что и как скажет через минуту. И это при том, что вчера он мог невозмутимо и хладнокровно вести непринужденные беседы с генеральным директором компании-заказчика, а сегодня не знал, с чего начать даже самое простое извинение.

Он обеими руками приподнял шлем, мысленно представив круглый, угольно-черный полый металлический шар заменой Хэ Синьюаня, и страстно проговорил:

— Синьюань… Как ты поживаешь в последнее время?

Несколько старшеклассниц, которые в прошлый раз тайком сфотографировали его, заметив его на своем обычном пути в школу, тут же густо покраснели. Их щебетание смолкло, девочки затаили дыхание, выпятили груди и гордо подняли головы, словно стайка заносчивых маленьких лебедей, проходя рука об руку мимо него. Но когда они увидели, что он с совершенно полоумным видом толкает длинные речи перед мотоциклетным шлемом, то моментально растеряли весь свой величественный вид: в мгновение ока белые лебеди превратился в перепуганных воробьев, которые с испуганным хлопаньем крыльев тут же разлетелись в стороны.Чи Цзюнь был совершенно не в состоянии заметить, что его нервные подергивания до смерти напугали нескольких мечтательных девушек, ведь он все еще ломал голову над тем, как заставить Хэ Синьюаня перестать сердиться.

Хотя они встречались недолго, он прекрасно изучил характер Хэ Синьюаня. Тот, кто всегда относился к любым людям и вещам с нежной мягкостью, теперь делал вид, будто Чи Цзюня вовсе не существует. Похоже, он действительно был глубоко ранен.

В университете Хэ Синьюань славился своим пренкрасным нравом: его улыбка походила на весенний ручей — чистая и сладкая. Сначала всеобщее внимание привлекли лишь его смазливая внешность и статус вундеркинда — перепрыгивая через классы один за другим, он оказался на несколько лет младше сокурсников. Позже кто-то из его одногруппников проболтался, что всю свою стипендию он целиком жертвует малоимущим студентам их же вуза, в свободное время работает волонтером в детском доме и даже наладил связь с местным приютом для бездомных животных, организуя однокурсников по специальности на стерилизацию бродячих кошек и собак…

Все это он делал очень скромно, не хвастался добрыми делами и не использовал их ради борьбы за места в студсовете или старостат. Он просто молча делал свое дело, пока кто-то не вынес это на студенческий форум, позволив всем разглядеть еще более прекрасную душу, скрывавшуюся за его привлекательной внешностью.

Многие были очарованы его добротой. Пытаясь сблизиться с ним, студенты с других факультетов записывались на элективы его специальности, но уже через пару занятий были вынуждены уйти, не успевая за программой. Лишь Чи Цзюнь скрипел зубами, но продолжал ходить, а при распределении на группы ему еще и невероятно повезло оказаться вместе с Хэ Синьюанем.

Хэ Синьюань считал Чи Цзюня старшекурсником с широкой душой и верным характером, и в мыслях не держал, что истинной целью Чи Цзюня был он сам. Опыт романтических отношений у него был абсолютно чист: помимо учебы, он общался только с животными и никогда не считал себя в чем-то выдающимся, чтобы кто-то стал за ним ухаживать.

Какая-то девушка три раза просила у него в библиотеке ручку, а он просто решил, что она

ужасная растеряха, и на четвертый раз сказал ей: В твоей косметичке такая куча места, ты вполне можешь носить ручку прямо там. Какой-то младшекурсник постоянно звал его поиграть в баскетбол, на что он с серьезным видом заявлял: Я не люблю спорт, учеба приносит мне куда больше радости. Кто-то перехватывал его в столовой, говоря, что забыл карточку, и просил воспользоваться его, чтобы взять еду, после чего пытался под этим предлогом добавить его в QQ для возврата денег, но он лишь отмахивался: Ничего страшного, просто внеси деньги за обед на стойку в столовой и скажи, что эти десять юаней пойдут на карточку Хэ Синьюаня.

…

Пока Чи Цзюнь погружался в воспоминания, издалека донеслись два голоса.

Один из них, мягкий и спокойный, спросил: Юю, я так проголодался, почему мы сегодня не позавтракали?

Другой, звонкий мужской голос, ответил: Брат, ты опять забыл? Вчера доктор Жэнь проиграл нам спор и сказал, что угостит всех макдаком.Чи Цзюнь посмотрел в сторону донесшегося голоса — как и следовало ожидать, приближались братья Хэ Синьюань. Хотя братья выглядели совершенно одинаково, их осанка и манеры заметно различались. Хэ Синьюань казался хрупким и утонченным ученым, его волосы средней длины слегка прикрывали уши, взгляд был мягким, а шаг — неторопливым. А вот Чжао Юю походил на маленькое пушечное ядро: мало того что он от природы был рослым и длинноногим, так он еще и несся вперед, уткнувшись носом в землю. Пройдя десяток метров и заметив, что брат отстает, он попросту принялся высоко поднимать колега на месте, считая это тренировкой.

Если подумать, эта пара близнецов напоминала луну и солнце.

Чи Цзюнь не испытывал особого интереса к чужому солнцу, ведь все эти годы он только и думал о той единственной луне, которую некогда собственными руками превратил из полной в серп.

Собравшись с духом, он поправил одежду и в несколько шагов приблизился к ним.

— Привет, вы… давно не виделись.

Черт, начало хуже некуда.

Чжао Юю остановился и инстинктивно заслонил собой брата. Хэ Синьюань, отставший от него, просто встал в полушаге позади и молча наблюдал за незваным гостем.

Чи Цзюнь собирался поностальгировать с Хэ Синьюанем, но никак не ожидал, что тот примет его за абсолютно незнакомого человека и не проронит ни слова. Вместо этого чужой ему парень Чжао Юю нахмурился, встав между ними с настороженным видом.

Чи Цзюню пришлось набраться храбрости и представиться деверю:

— Тут такое дело… Я пару дней назад заходил сюда с другом, приносил его питомца на осмотр.

— Ого, — протянул Чжао Юю. — Так вы по какому вопросу?

— Да не то чтобы… В общем, понимаете, я разыскиваю доктора Хэ, хотел поблагодарить его. У моего друга попугай серьезно пострадал, беленький, размером с кулак, крыло сломалось. Доктор Хэ вместе с доктором Жэнь тогда зафиксировали ему крыло, и сейчас он идет на

поправку. — Чи Цзюнь откровенно врал: стоило Ляньцзгэн забрать, как он больше ни разу ее не навещал. К тому же прошло меньше трех дней, так что внешние повреждения еще толком не затянулись, не говоря уже о переломе крыла.

— Белый попугай? — глаза Хэ Синьюаня загорелись. — Это та самая белая самка ошейникового ожерелового попугая?

Ему еще с момента приближения показался знакомым этот мужчина, а присмотревшись внимательнее, он сразу узнал того самого странного мотоциклиста, который несколько дней назад приносил на прием маленького попугайчика с переломом. Мотоцикл этого парня как раз стоял у обочины, а его обтекаемый корпус выглядел невероятно броско и солидно.

— Да-да, именно та самая Ляньцзгэн. — Услышав отклик Хэ Синьюаня, Чи Цзюнь поспешил ухватиться за возможность.

Ляньцзгэн?

Чжао Юю бросил взгляд на брата и поддразнил его:

— Ты же говорил, что ту птицу звали Бабаочжоу?

Хэ Синьюань смутился и слегка покраснел.

Однако Чи Цзюнь истолковал это по-своему, решив, что Хэ Синьюань залился краской из-за разговора с ним. Стыд это был или злость — в любом случае такое выражение лица выдавало человека, который не в силах забыть прошлое. Пусть даже он его ненавидит, лишь бы больше не смотрел на него как на чужака, как в тот день.

Чи Цзюню так хотелось подойти, просто забрать его отсюда и найти местечко, чтобы как следует поговорить по душам, но Чжао Юю упрямо торчал посреди дороги, возвышаясь подобно богине Нюйва, латающей небо. Стоило Чи Цзюню взглянуть на него, как в памяти всплывало, что Хэ Синьюань выдавал себя за единственного ребенка в семье, и на душе у него появлялся легкий кислый осадок.

В этот момент телефон в кармане Чи Цзюня неожиданно зазвонил. Достав его, он с удивлением увидел на экране имя Дин Дадуна. Отвечать совсем не хотелось, но Дин Дадун настойчиво продолжал звонить снова и снова. Братья Хэ Синьюань уставились на него взглядами, в которых читалось: почему ты не берешь трубку? Бедолаге пришлось принять вызов.

Голос Дин Дадуна звучал хрипло, его раскатистый базарный баритон почти соответствовал его имени.

— Цзюнь-Цзюнь-Цзюнь-Цзюнь, друг мой дорогой, птицы снова устроили ЧП!

— …Какое еще ЧП?

— Я только что проснулся и обнаружил, что Рождественская Елка и Дораэмон совершили побег! — скорбно и гневно завопил Дин Дадун. — Мало того, что эти пернатые гады вылетели наружу, они еще и клавиатуру мне разобрали! Брат только что купил механическую клавиатуру, а они все клавиши повыдергивали и раскидали!

Отвечая на звонок, Чи Цзюнь случайно задел кнопку громкой связи, и тирада Дин Дадуна

отчетливо прозвучала для всех троих. Дин Дадун был работником умственного труда и трудился на удаленке из дома, так что клавиатура являлась его главным рабочим инструментом. Представив, как Дин Дадун ошарашенно таращится на усыпанный клавишами стол после пробуждения, Чи Цзюнь, прекрасно понимая всю горечь ситуации, все же не удержался и прикрыл рот рукой, тихо кашлянув, чтобы заглушить смех.

А вот Чжао Юю сдерживаться не стал: запрокинув голову, он заливисто хохотнул пару раз. Хэ Синьюань тут же дернул его за рукав, тихо напомнив о необходимости соблюдать приличия.

К счастью, Дин Дадун был полностью погружен в собственное горе и не расслышал, что над ним кто-то смеется, продолжая бормотать:

— Ты сегодня занят? Если нет, помоги мне отыскать этих двух предков. Наверняка они устроили этот демарш просто потому, что я ругал их последние пару дней, вот они и взбесились. К тому же они оба растолстели как кегли для боулинга, далеко улететь точно не смогли бы.

Чи Цзюнь слегка замялся. С одной стороны находилась его долгожданная старая любовь, с другой — верный друг, с которым они прошли огонь и воду. Чаши весов тянули с одинаковой силой, и он не сразу смог сделать выбор.

Как назло, именно в тот момент, когда он хранил молчание, мимо них с грохотом проехал велосипед, у которого гремело абсолютно всё, кроме звонка. Завидев их, крутивший педали мужчина нажал на ножной тормоз и кое-как остановился.

— Эй, близнецы из ветклиники! Слава богу, вы уже на работе! — мужчина был до того взволнован, будто у него горел хвост.

— Что случилось, дедушка? — заметив это, Хэ Синьюань поспешил его успокоить.

Мужчина закатил глаза так далеко, что были видны одни белки:

— Сколько раз можно повторять, почему ты никак не запомнишь? Я не дедушка! Я старший брат, просто слегка лысоватый!

Хэ Синьюань мягко произнес:

— Хорошо, лысоватый старший брат, что у вас стряслось раз вы так спешите?

Мужчина едва не подавился от мягкого ответа Хэ Синьюаня. С трудом переведя дыхание, он затараторил:

— Я развожу голубей на крыше соседнего дома. Только что поднялся покормить их, глядь — а в клетке появились еще две огромные попугаихи, зеленая и синяя, и вовсю уплетают мой кукурузный зерноград! Эти птицы чертовски сообразительны: подумать только, сумели открыть голубятню! Что вообще может их остановить? Мне их ни за что не поймать самому, вот я и прибежал к вам за помощью!

http://bllate.org/book/33668/4138708